

Бузин Владимир Серафимович

РУССКИЙ КАЛЕНДАРНЫЙ ОБРЯД "ПОХОРОНЫ ГОРЮНА" - ЗАГАДОЧНОЕ ИМЯ ПЕРСОНАЖА

Статья посвящена проблеме названия "горюн" - персонажа, приуроченного к троичному циклу обряда "похороны горюна" села Мерлинка Пензенской губернии. В свете имеющихся источников это название для обрядности типа "похороны - проводы" является единственным зафиксированным. Анализ манипуляций с куклой-"горюном" показывает их тождественность с обрядностью ряда олицетворений календарных праздников - Костромы и других. "Горюн" также известен как герой русского фольклора и в молодежной игре "завести горюна". Вывод автора: "горюн" как название персонажа календарной обрядности, скорее всего, имеет реликтовый характер.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/10-1/7.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(84) : в 2-х ч. Ч. 1. С. 31-35. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

16. Об организации дополнительных платных психолого-педагогических услуг населению г. Оренбурга, предоставляемых муниципальным учреждением «Центр социальной помощи семье и детям» // Постановление Городской Думы № 149 от 26.06.1997 г. // Вечерний Оренбург. 1997. 10 июля.
17. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-485. Оп. 21.
18. Оренбургская область. 1998: статистический ежегодник. Оренбург, 1999. 269 с.
19. Политические партии и общественные объединения Оренбургской области: справочник. Оренбург, 2004. 230 с.
20. Республиканские целевые программы государственного комитета Республики Башкортостан по делам молодежи на 1995 год. Уфа, 1994. 170 с. // ТА ГКМП РБ.
21. Сборник материалов по реализации молодежной политики «Россия. Молодёжь. Челябинск». Челябинск, 2005. 113 с. // Текущий архив Управления по делам молодежи Администрации города Челябинска (ТА УДМ АЧ).
22. Социальные службы в Челябинской области: методические материалы. Челябинск, 1999. 216 с. // ТА УДМ АЧ.
23. Уровень жизни населения Республики Башкортостан: статистический сборник / Комитет Государственной статистики Республики Башкортостан. Уфа, 2003. 112 с.
24. Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ). Ф. 341. Оп. 61.
25. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. Р-394. Оп. 6.
26. Челябинская область в цифрах: статистический сборник / Челябинский областной комитет статистики. Челябинск, 2001. 226 с.
27. Щеглова С. Н. Социальные службы для молодежи // Молодёжная политика: информационный бюллетень. 1995. № 82-84. С. 55-61.

SOCIAL REHABILITATION OF SOUTH URAL YOUTH UNDER CONDITIONS OF THE 1990S CRISIS IN RUSSIA

Boyarshinova Irina Mikhailovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Orenburg State Pedagogical University
boyarira@yandex.ru

The article describes the process of organizing youth social services under conditions of the 1990s economic crisis in the South Ural region. The author analyzes historical conditions and peculiarities of formation of special institutions of social prevention and rehabilitation of young people, the forms of participation of the state, non-governmental organizations in the development of social protection institutions, social and psychological services and rehabilitation centers. The paper identifies the basic trends of social assistance to young people in a difficult life situation.

Key words and phrases: state youth policy; social protection institutions; social and psychological services; rehabilitation centers; rehabilitation of young people; difficult life situation.

УДК 148.39

Исторические науки и археология

Статья посвящена проблеме названия «горюн» – персонажа, приуроченного к троичному циклу обряда «похороны горюна» села Мерлинка Пензенской губернии. В свете имеющихся источников это название для обрядности типа «похороны – проводы» является единственным зафиксированным. Анализ манипуляций с куклой-«горюном» показывает их тождественность с обрядностью ряда олицетворений календарных праздников – Костромы и других. «Горюн» также известен как герой русского фольклора и в молодежной игре «завести горюна». Вывод автора: «горюн» как название персонажа календарной обрядности, скорее всего, имеет реликтовый характер.

Ключевые слова и фразы: «горюн»; обрядность «похороны – проводы»; «горюн» фольклора; игра «завести горюна»; реликтовость.

Бузин Владимир Серафимович, к.и.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
vsbuzin@front.ru

РУССКИЙ КАЛЕНДАРНЫЙ ОБРЯД «ПОХОРОНЫ ГОРЮНА» – ЗАГАДОЧНОЕ ИМЯ ПЕРСОНАЖА

В изучении традиционной культуры русского народа есть немало вопросов, которые, может быть, и не отнесешь к особо значимым, но представляющими определенный интерес. Одному из них и посвящено содержание данной статьи – речь идет о названии персонажа «горюн» русской календарной обрядности.

В 10-м томе приложений к «Пензенским Епархиальным Ведомостям» за 1890 г. была опубликована проповедь священника села Мерлинка (совр. Лунинский р-н Пензенской обл.) И. Феодосиевского «В день Пятидесятницы (против нехристианского обычая “похорон горюна”)». Описание «обычая» невелико по размерам, так что есть смысл воспроизвести его полностью вместе с толкованием его происхождения: «У вас, бр., на первый

или второй день праздника св. Троицы совершается неприличный и недостойный обычай “похорон горюна”. Ваша молодежь делает из соломы чучело наподобие человека. Молодые люди относят это чучело к пруду и, не раздеваясь, бросаются вместе с ним в воду. Скажите, откуда взялся у вас этот обычай и что он означает? Ясно, что этот обычай ведет свое начало от тех времен, когда предки наши были язычниками и составлял особенность праздника в честь какого-нибудь бога, которых у наших предков было очень много» [25, с. 27–28].

Обряд «Похороны горюна» не прошел мимо внимания исследователей. Через два года его адекватное описание было воспроизведено в статье А. Троицкого, при этом сообщение об обряде «похорон горюна» в ней фигурирует в качестве своеобразной «затравки» к теме народных верований в русалок, с которыми он отождествлял «горюна», и далее об этом персонаже уже не говорится [24, № 19, с. 768]. Все последующие авторы, приводя характеристику этого обряда, ссылались уже на статью А. Троицкого, но единственным источником, из которого известно о его бытовании, остается статья И. Феодосиевского. И А. Троицкий, и почти все (о единственном исключении – ниже) другие исследователи, а среди них такой знаток русской традиционной культуры, как Д. К. Зеленин [7, с. 266], не сомневались, что «горюн» – один из персонажей обряда, удачно определенного затем Л. Н. Виноградовой и С. М. Толстой как «уничтожение – проводы нечистой силы» [6]. Надо уточнить, что далеко не всегда персонаж этого вида обрядности рассматривался как «нечистая сила», отношение к нему могло быть и вполне доброжелательным, поэтому далее в тексте используется определение «уничтожение – проводы».

Как известно, «уничтожали-проводжали» в русской и, шире, восточнославянской¹ календарной обрядности много и охотно, причем уничтожение зачастую оформлялось как «похороны» с пародийным воспроизведением христианского ритуала. В годовом цикле эта обрядность занимала время, начиная с Масленицы и до праздника Кузьмы-Демьяна (1/14 ноября). Персонажи «похорон – проводов» могли быть и неолицетворяемыми, но чаще они фигурировали в виде наглядных воплощений, с которыми производились те или иные манипуляции, – растение, человек, имитация коня, чучело птицы и др., в том числе, как и «горюн», антропоморфное изображение из тех или иных материалов, обычно соломы, иногда с акцентами пола в одежде и в воспроизводстве гениталий. Уничтожение ритуального объекта, символизирующего этот персонаж, было различное – сжигание, выгон (живого человека) или вынос в поле, разрывание и разбрасывание по полю и некоторые другие, в том числе, как в случае с «горюном», бросание/утопление в воде [6; 7; 10].

Однозначная трактовка этой обрядности Д. К. Зелениным как связанной с культом заложных покойников [7, с. 271] вряд ли основательна, что отмечено исследователями – в ней прослеживается и культ умирающего и воскресающего божества, и элементы апотрапейной, карпогонической и очистительной магии, и социализация молодежи, и другие традиции народной культуры.

Но почему такое странное и к тому же единичное имел название персонаж «уничтожения – проводов» пензенского села Мерлинка – «горюн»? Он не «горит», поскольку не подвергается сожжению (наоборот, тонет), а если «горюет», то почему? Слово «горюн» для русского языка не редкость, причем в разных смыслах. Из наиболее употребляемого в бытовом понимании – человек, испытывающий постоянное горе, разные беды, горемыка, обуреваемый горем человек [5, с. 52; 15, с. 452]. В разновидностях местной лексики – это сорт винограда (Дон); табак-махорка (Пск., Осташ., Твер.) [13, с. 83]; цыпленок, выращиваемый без наседки (Мордовия) [12, с. 156]; известны «горюны» в погребальной обрядности зажиточной среды до-революционной России – нанятые для участия в похоронах с целью придания им особого статуса индивиды, изображающие горе, иногда они выполняли роль факельщиков [13, с. 83; 28; 29]; «горюны» – как название жителей (Путивльского уезда Курской губ.) [13, с. 83], а также «змей-горюн» – фольклорный персонаж, которого поражает копьём Егорий-победоносец [Там же]. Понятно, что данный содержательный ряд к теме нашего исследования отношения не имеет.

Но коль скоро «наш» «горюн» был персонажем обряда «уничтожения – проводов», выпадает ли специфика его проведения из общей традиции обрядов этого типа, но с другими названиями их олицетворений? Они в большинстве случаев имеют широкое распространение: Масленица, Купала, Морена и др. Однако в источниках фигурируют и единичные названия, неизвестные за пределами данной традиции, ограничивающейся одним населенным пунктом, к таковым относится и «горюн».

По характеристикам статьи И. Феодосиевского, мы знаем, что чертами обряда были: 1) соломенное антропоморфное изображение; 2) с названием мужской принадлежности (хотя известны персонажи календарной обрядности с названиями женского рода, но которых имитировали мужчины, или обрядение их воплощения демонстрировало мужскую принадлежность, например, русалка, «Кострома» [21, с. 443; 22, с. 465]); 3) изготовленное молодежью; 4) бросалось ею в воду; 5) сами участники обряда купались с ним; 6) действие происходило на второй или на третий день Троицкой недели, то есть было приурочено к троицкому циклу.

Соответствие этим признакам обнаруживается применительно к ряду персонажей русской/восточнославянской календарной обрядности «уничтожения – проводов». Однако при этом нужно сделать ряд замечаний. Признаки антропоморфности чучела и бросание его в воду надо признать обязательными, но другие, как изготовление его из соломы, причем молодежью, – четкая приуроченность ко второму или третьему дням Троицкой недели, купание молодежи с чучелом – вряд ли. Купание участников могло не отразиться в источнике, материал куклы мог быть заменен другим, сроки тех или иных троицких обрядов, как показывают источники,

¹ Расширение привлекаемого материала до, по крайней мере, восточнославянского уровня, с точки зрения автора, вполне оправдано, коль скоро речь идет об обрядности, явно восходящей до времени формирования современных восточнославянских этносов. В отношении этой методики классическими являются работы Д. Д. Фрезера, который старался восстановить обряд во всей полноте вариантов, ибо зачастую только таким образом удавалось выявить его смысл [26; 27].

могли варьировать в пределах цикла этого праздника, длившегося, как известно, от Семика и до первого дня Петрова поста включительно.

В троицкой обрядности этим признакам соответствуют персонажи со следующими названиями.

Русалка. Кукла «русалка» в троицкой обрядности, несмотря на женский род названия, могла, судя по одежде, мыслиться в мужской ипостаси, известны ее «похороны» в водном источнике (чаще практиковались другие формы уничтожения) у русских с отнесением туда в гробу с ерническим имитированием христианских похорон [7, с. 266; 22, с. 465], у белорусов – отнесение к ручью, что явно предполагает утопление в нем [7, с. 283], добавим, что у русских практиковалось и потопление русалки-«коня» (с имитацией животного) [Там же, с. 258].

Кострома. Утопление более характерно для куклы «Кострома» (при наличии других форм «похорон»), которая могла быть как в женской, так и мужской одежде, иногда с пародией на погребальную обрядность, в том числе несением к воде в «гробу»-корыте [7, с. 268-269; 21, с. 443-444]; есть лубочная картинка с названием «Похороны Костромы», на которой женщины несут чучело в гробике и собираются его утопить [7, с. 269]; девушку с названием «Кострома-весна» после «гибели» ее от «Смерти» бросали в воду вместе со «Смертью» [Там же]; в одном из вариантов «девки», которые несли подругу-«Кострому» к водному источнику, начинали здесь, что важно отметить, друг друга купать [Там же].

Ярила. Это был однозначно мужской персонаж, его куклу обычно уничтожали другими способами, но практиковалось и утопление его антропоморфного воспроизведения [18, с. 93-94].

«Кукушка». Персонаж обряда «крещение и похороны кукушки», приходившегося на конец весны – начало лета, мыслился как женский и олицетворялся по-разному, но в том числе в обличье тряпичной антропоморфной куклы и женщины-птицы, формы «погребения» «кукушки» были разные, известно и бросание куклы-«кукушки» в реку [4, с. 185, 188-189; 20, с. 289].

Семик (и Семичиха) – антропоморфное чучело Семика, иногда вместе с Семичихой изготавливали к одноименному празднику, в одной из локальных традиций их несли к реке, где разоряли и бросали в воду [23, с. 542].

Отметим также обряд с чучелом, которое в источнике фигурирует как безымянное – в обрядности «проводить весну» села Владыкино (Пензенская губ.) парни и девушки делали в заговенье после Троицы чучело, носили его по селу с песнями, плясками, «музыкой» (ударами в доску и заслон), а затем бросали в реку [9, с. 14].

В поисках параллелей обряда «похороны горюна», с точки зрения автора, логичным будет также обращение к купальской обрядности, ибо справедливо мнение, что ее близость к троицкой объясняется тем, что некогда обе представляли собой единство, приуроченное к летнему солнцестоянию и затем «разведенное» христианством на две части. В купальской обрядности «уничтожение – проводы» персонажа праздника, фигурирующего в нем под разными именами, характерно для украинской и белорусской традиции. В ней он часто олицетворялся деревом, но нередко это было антропоморфное чучело из соломы, обряженное в женскую одежду, его носили по улицам и потом топили в воде, название чучела было Купала, Мара, М(а/о)рена, Уляна, Катерина, Марынка и др., в том числе Марынка-русалочка, были и мужские имена – Иван, Юрий, а также дед, черт [6, с. 105-107; 7, с. 273; 17, с. 231]. Иногда под ритуальное дерево подкладывали куклу в женской, иногда мужской одежде, они персонифицировались, как Морена и Купала (если дерево – Купала, то кукла – Морена, и наоборот), куклу в ходе обряда бросали в воду (как и дерево), иногда участники обряда тут же сами окунались в воду [17, с. 231-235, 240, 257].

Для праздника Ивана Купала у русских манипуляции с каким-либо персонажем, в том числе антропоморфного вида, не были характерны. Они, например, не фигурируют в его энциклопедическом описании [19] (впрочем, «похороны русалки» в этот праздник известны для Псковской губернии [22, с. 463] (подробности обряда не приводятся)), хотя купание для него – неременная черта [17, с. 244-245].

Кроме названий-олицетворений календарных праздников в восточнославянской традиции были, как отмечено выше, и названия персонажей обыденные, «человеческие», особенно они характерны для украинской купальской традиции. В ней наличие обыденных имен можно объяснить тем, что со временем ставшее непонятным Морена по созвучию трансформировалось в Марыну, а затем уже по аналогии начали фигурировать Катерина и другие повседневные женские имена, к ним добавились и мужские. Известны и обыденные имена персонажей праздника для Масленицы у русских – Дуня, Авдотья [8, с. 334]. Есть имя Таня/Татьяна в троицкой обрядности «играть Таню песнь» Астраханской губернии, видимо, без каких-либо манипуляций [7, с. 267], но они явно практиковались, судя по обряду «проводы весны», отправляемому «после Троицына дня»; у мордвы Нижегородской губернии – с таким же прославлением «Татьяны», но также с «вождением коня» в виде имитации этого животного [Там же, с. 261].

Отмеченная выше единичность названия персонажа «горюн» в обрядности «уничтожения – проводов» требует уточнения. Есть еще одна информация о календарном «горюне», помещенная на портале «Клуб коллекционеров, краеведов и кладоискателей Дальнего Востока»: «...горюном называют куклу из соломы, сжигаемую на Купальском празднике. Получается, или от слова “горевать”, или от “гореть”» [28]. Но ссылки на какие-либо источники этот пассаж не содержит, поэтому вопрос, насколько можно доверять данному сообщению, остается открытым.

Кроме того, есть сходное название персонажа обрядности этого типа – «Гаранька». В Костромской губернии на Масленицу делали из соломы чучело с таким названием, его обряжали в рваную одежду, в рот всовывали трубку с табаком, в масленичное воскресенье катали по селу с дымящейся трубкой; вечером зажигали костры, а в завершение действия сжигали «Гараньку» [17, с. 25-26]. В соответствии с обращением с чучелом под таким названием оно должно означать того, кто горит. Между тем мерлинский «горюн» подвергался не сожжению, а утоплению, к тому же манипуляции с ним производились на Троицу, а не на Масленицу.

Итак, «горюн» по действиям с его олицетворением не выделяется из ряда персонажей календарной обрядности как у русского, так и других восточнославянских народов: Купала, русалка и еще некоторых. Но почему его имя является практически единичным в этом ряду (информация о сжигаемом купальском «горюне» требует подтверждения)?

Отметим еще несколько, подобных «горюну», одиночных, по крайней мере, в свете известных источников, названий персонажей «уничтожения – проводов» русской календарной обрядности, к сожалению, не всегда наличествуют подробности их отправления.

«**Чехонь**». «Похороны чехони» как праздник проводов весны устраивали в сер. XIX в. в Самаре перед Петровым постом [7, с. 269] (с комментарием: «подробностей нет»). «Чехонь» в словарях определяется как промысловая рыба бассейнов Балтийского, Черного, Азовского и Каспийского морей [16, с. 924], но, возможно, в местной лексике было и другое содержание этого слова.

«**Соловушка**». В обрядности проводов весны (точное время не указано) в Горьковской области ее делали из лопуха или «на шест привязывали одетую в платье солому», после хороводов «соловушку» бросали в рожь [17, с. 218].

«**Сухотинка**». Известны некие «похороны сухотинки» [2]. Обнаруженное определение этого слова – заботы, хлопоты, беспокойство (Волог.); слово «сухотина» определяется как «о любимом человеке» (Яросл.) или как «шкура с ног оленя» (Сиб.); более адекватно обряду будет, видимо, «сухотница» – «болезнь спины» (Новг.) [14, с. 26-27], поскольку известны ритуальные действия «похорон-уничтожения» болезней – холеры и других в виде их воплощений того или иного рода [1, с. 359].

Но вернемся к «горюну».

Единственный исследователь, который дал иную трактовку и названия «горюн», и обряда «похороны горюна», была Т. А. Бернштам. Согласно ее изысканиям, «горюн» в фольклоре – эпический герой из категории «неудалых добрых молодцев» баллад семейно-бытового характера, изгоев, для которых характерно аморальное поведение, не участвующих в продолжении рода; название «горюн» происходит не от слова «горевать», как это можно предположить, а слова «гореть» – в значении испытывать страстное желание, томиться от любви, тосковать, плакать/ся, терпеть и т.п.; поскольку «горюны» не дают потомства, то по истечению брачного возраста, т.е. с 25-30 лет, их относили к категории «старых» и наделяли «плачевными» прозвищами, в том числе «горюн» [3, с. 263-272]. Фольклорного «горюна» она отождествила с «горюном» мифологических календарных персонажей Среднего Поволжья Троицкой недели (тоже со ссылкой на статью А. Троицкого), сделав вывод, что как олицетворение негативных свойств молодости «горюнов» здесь хоронили, как и «русалок». «Горюны, – утверждала она, – уничтожаются как н е у д а в ш и е с я (разрядка Т. А. Бернштам. – В. Б.) мужские особи – своего рода “беспольные” экземпляры» [Там же, с. 275].

Поправим, что А. Троицкий отнюдь не утверждал, что приведенный им материал по «похоронам горюна» относится к территории Среднего Поволжья, но главное не в этом. Выглядающая на первый взгляд довольно логично трактовка Т. А. Бернштам, при всем уважении к этому имени, вызывает сомнения. Почему герой семейно-бытового фольклора оказался уравненным с представителями демонических олицетворений потустороннего мира – Масленицей, Ярилом, Костромой, Козьмой-Демьяном и др.? В свете представлений о них он выглядит совершенно чуждым персонажем, и отождествить его с календарным «горюном» вряд ли будет правомерно.

Однако, возможно, он имеет отношение еще к одному «горюну» – не обрядовой, а игровой культуры. Это название фигурирует в игре молодежи Вологодчины во время посиделок «играть в горюна», или «столбушка». Ее описание содержится в источнике 1902 г.: «Парень и девушка договариваются “завести горюна”, и вот они вдвоем отходят к столбу (у голбца) и становятся близ двери, здесь они здороваются, называя друг друга по имени и отчеству, и целуются, затем начинают о чем-то шептаться. Когда разговор кончат, то девушка целует парня и спрашивает, кого ему послать, и уходит. К парню подходит названная, и опять – здорованье, разговоры и поцелуй прощальный, и уходит парень и посылает парня по ее желанию, к которому высылается девушка, и т.д. Таким образом, парню приходится переговорить с двумя девицами и девице с двумя парнями, с одним, с которым сам хочешь говорить и с другим, который хочет поговорить с тобой (так в тексте. – В. Б.)» [11, с. 90-91; 13, с. 83].

С названием «столбушка» проблем нет – игровое действие происходит у печного столба, что рядом с голбцом. Но почему играют в «горюна»? И вот здесь усматривается связь героя бытового фольклора с этой игрой, поскольку она тоже имеет отношение к сфере семейно-брачных отношений. Правда, логику игры «столбушка»/«горюн» понять сложно, ибо даваемое объяснение ее смысла весьма невнятно. И, тем не менее, в игре, при безусловной моногамии русского традиционного брака, хотя и неявно, демонстрируется свобода отношений между полами: встреча одного парня с двумя девушками и одной девушки с двумя парнями, сопровождаемые поцелуями, которые являются имитацией близости.

В заключение остается сказать, что дать приемлемое объяснение названию «горюн» обрядности пензенского села Мерлинка пока затруднительно. Связь его с «горюнами» фольклора и игровой культуры сомнительна. Единичность его среди олицетворений календарных ритуалов (интернетное сообщение о купальском «горюне» требует подтверждения) может иметь разные объяснения. Первое – ошибка И. Феодосиевского или плод его фантазии относительно данного названия, что весьма сомнительно. Второе – что оно представляет собой сугубо локальную традицию, обусловленную случайными обстоятельствами, как, например, превращение Морены украинской купальской традиции в Марыну повседневных личных имен. Третье, с точки зрения автора, наиболее вероятное, что это реликт некогда бытовавшего названия персонажа календарной обрядности, которое повсеместно было утрачено, кроме единично сохранившегося случая. Если все-таки достоверен

купальский «горюн», тогда это название может быть пережитком изначальной практики сожжения этого персонажа, которое потом дополнилось его утоплением. Во всяком случае, наблюдается различие в способах «похорон – проводов» применительно к одному и тому же олицетворению этого типа обрядности.

Возможно, обнаружение дополнительных материалов даст ответ на поставленную в данной публикации проблему

Список источников

1. А. О. Опахивание селения // Русский праздник: праздники и обряды народного земледельческого календаря: иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 357-361.
2. Адоњева С. Б. Обрядовое чучело: проективный принцип ритуальных практик [Электронный ресурс]. URL: http://folk.ru/Research/adonyeva_obriad_chuchelo.php (дата обращения: 09.03.2016).
3. Бернштам Т. А. Герой и его женщины: образы предков в мифологии восточных славян. СПб.: МАЭ РАН, 2011. 372 с.
4. Бернштам Т. А. Обряд «крещение и похороны кукушки» // Материальная культура и мифология: сб. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Л.: Наука, 1981. Т. XXXVII. С. 179-203.
5. Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907. 358 с.
6. Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Мотив «уничтожения – проводов нечистой силы» в восточнославянском купальском обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: погребальный обряд. М.: Наука, 1990. С. 99-118.
7. Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 432 с.
8. Н. С. Масленичное чучело // Русский праздник: праздники и обряды народного земледельческого календаря: иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 333-336.
9. Никольский В. Нравы и обычаи жителей села Владыкина // Пензенские Епархиальные Ведомости. 1883. № 8. С. 9-20.
10. Русский праздник: праздники и обряды народного земледельческого календаря: иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Искусство-СПб, 2001. 672 с.
11. Словарь областного вологодского наречия. По рукописи В. А. Дилакторского 1902 г. СПб.: Наука, 2006. 677 с.
12. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: в 2-х т. СПб.: Наука, 2013. Т. 1. 674 с.
13. Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1972. Вып. 7. Гона – Деть. 356 с.
14. Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 2010. Вып. 43. Сухлость – Телеса. 350 с.
15. Словарь русского языка. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1957. Т. I. А-Й. 964 с.
16. Словарь русского языка. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. Т. IV. С-Я. 1088 с.
17. Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX – начало XX в. М.: Наука, 1979. 288 с.
18. Т. З. Всесвятская неделя // Русский праздник: праздники и обряды народного земледельческого календаря: иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 92-95.
19. Т. З. Иван Купала // Русский праздник: праздники и обряды народного земледельческого календаря: иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 194-201.
20. Т. З. Крещение и похороны кукушки // Русский праздник: праздники и обряды народного земледельческого календаря: иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 285-291.
21. Т. З. Похороны Костромы // Русский праздник: праздники и обряды народного земледельческого календаря: иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 443-445.
22. Т. З. Проводы/похороны русалок // Русский праздник: праздники и обряды народного земледельческого календаря: иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 463-468.
23. Т. З. Семик // Русский праздник: праздники и обряды народного земледельческого календаря: иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 537-543.
24. Троицкий А. Народное верование в русалок // Пензенские Епархиальные Ведомости. 1892. № 19. С. 767-782; № 22. С. 941-954.
25. Феодосиевский И. В день Пятидесятницы (против нехристианского обычая «похорон горюна») // Беседы и поучения к простому народу пастырей Пензенской епархии. Приложение к «Пензенским Епархиальным Ведомостям» за 1890 г. Пенза, 1890. Т. 10. С. 26-28.
26. Фрезер Д. Д. Золотая ветвь: исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1984. 703 с.
27. Фрезер Д. Д. Фольклор в Ветхом Завете. М.: Политиздат, 1989. 542 с.
28. <http://antikvarovnet.ru/viewtopic.php?f=112&t=1180> (дата обращения: 11.08.2015).
29. <http://scisne.net/a-210> (дата обращения: 03.05.2017).

RUSSIAN CALENDAR RITUAL OF “GORYUN SEND-OFF” – MYSTERIOUS PERSONAGE’S NAME

Buzin Vladimir Serafimovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Saint Petersburg University
 vsbuzin@front.ru

The article analyzes the origin of the name “goryun” – a personage of the Trinity “Goryun send-off” ritual practiced in Merlinka village of Penza province. Considering the available sources the author shows that this name is a unique one for a send-off ritual. The analysis of manipulations with the “goryun” effigy indicates their identity with the ceremonial rites of some calendar holiday personifications – Kostroma and others. “Goryun” is also known as a Russian folk hero in the youth game “making goryun”. The author concludes that “goryun” as a ritual personage’s name probably has relict origin.

Key words and phrases: “goryun”; send-off rituals; folkloric “goryun”; “making goryun” game; relict origin.